

Максим
Тесли

ЩЕНКИ

и к чему это
приводит.
***ный рок-н-ролл

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

В этой книге два текста.

«ЩЕНКИ. Музыкальные шарлатаны» написан весной 2017-го по следам первого тура Щенков плюс включает в себя рефлексию по поводу провинциальной юности, музыкальных опытов, дружбы, секса и веществ — в общем, необходимый коктейль для дебютной книги.

«NIGREDO. Десять суток без шнурков» написан зимой 2024-го в изоляторе временного содержания, куда меня забрали практически сразу после концерта Щенков.

Замыкая круг, как говорится.

Эти тексты разделяют семь лет. За которые много чего произошло: Щенки стали популярной группой, мы отыграли на всех крупных российских фестивалях, играли за границы, собрали 3000 человек на сольный концерт, заработали денег, я дважды едва не умер. Я не склонен к преувеличениям. Я **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** дважды едва не умер — оба раза виной были мои зависимости. Но близость смерти ничему не научила. А вот близость тюрьмы — очень даже.

Выйдя из камеры 19 января 2024-го и с удивлением обнаружив, что никаких проступков мне больше не вменяется, я посчитал это последним предупреждением, бросил вообще всё, и вот уже почти год трезв, влюблён и счастлив (да, трезвость совпала с любовью, но это другая и очень длинная история, а мы пока не об этом).

Я не жалею о том, как жил жизнь. Было и было. Возникали определенные сомнения: могу ли я сейчас, трезвый, го-

ворить от имени себя прошлого, от имени персонажа своих песен? И я думаю, что да. Многие слушатели говорят о том, что на концертах они переживают состояния моего героя. Смекаете? Им не надо обдалбываться, драться, ненавидеть — я всё это делаю за них. По-моему, идеально. Эти песни и наркотик, и терапия одновременно.

Я не хотел включать сюда тексты песен, хотя в первом издании *«Музыкальных шарлатанов»* они присутствуют как часть книги, но тут мне это не казалось уместным. Однако моя уважаемая редакторка настояла на том, что это нужно сделать. Я не стал сильно спорить, я вообще не очень умею спорить с женщинами, да и в большинстве случаев они оказываются правы, так что пусть тексты остаются. Только попрошу вас помнить, что это — не весёлые тексты, это тексты страшные, подходите к ним с таким настроением, иначе может создаться неправильное впечатление.

Впрочем, кто я такой, чтобы командовать тем, какое впечатление у вас должно создаваться. Давайте-ка вы сами это определите.

«Поехали!» — как совсем по другому поводу сказал когда-то один очень талантливый человек.

Максим Тесли

ЩЕНКИ.
МУЗЫКАЛЬНЫЕ
ШАРЛАТАНЫ

*Если меня не станет, кто сможет
узнать каким я был?
Доктор Кац, сезон 4, эпизод 1*

GAMA

Если верить Новгородской первой летописи, в 1384 году «поставиша новгородци городъ камень на Лугѣ, на Ямѣ, милостию святѣи Софѣи, а поспѣшеніемъ великаго Михаила архистратига, а благословеніемъ отца своего владыцѣ Алексѣя, толко въ 30 дни и въ 3 дни».

После Русско-шведской войны около ста лет город находился в составе Швеции, пока не был отвоёван Петром I во время Северной войны. Во время Второй мировой на три года нас оккупировали немцы (здание гестапо располагалось в нынешней зубоврачебной клинике). Наверное, поэтому кингисеппцев сильно тянет в Европу.

Через какое-то время после вышеописанных событий в Кингисеппе появился я.

Мой папа родился в деревне Мохово, в ста километрах от Кемерово, мама — в посёлке городского типа с парадоксальным названием Новый городок в 40 километрах от Мохово. Познакомились они в Кингисеппе. Почему они не могли познакомиться в Сибири, а притажились на другой конец страны, я не знаю. Моя жизнь началась с нелепого стечения обстоятельств, примерно в таком же духе и продолжается.

Поэт-эгофутрист Игорь Северянин, бывший проездом в Кингисеппе в 1918 году, написал о нем следующее:

*Всегда-то грязный и циничный,
Солдатский, пьяный, площадной,
С культурным краем пограничный,
Ты мрёшь над лужскою волной.*

Еще в своём стихотворении он назвал мой город «растяпой» и «ползучим». К ХХI веку мало что изменилось по сравнению с 1918 годом.

Население около 50 000 жителей. Из развлечений: сауны, бильярд и ночной клуб, за вход в который многие расплачивались не только деньгами, но и зубами — такая валюта у нас всегда была в цене.

В общем, романтичным юношам, любящим длинные волосы, пирсинг и творчество групп лейбла «Кап-кан» было сложновато. А я был именно таким юношей.

Мне очень памятна история, когда моего друга поймали гоппики и вырвали ему кольцо из губы. Почему-то шилом. Засунули шило под кольцо и дёрнули.

Вообще выходя вечером на улицу в спущенных штанах, с длинными волосами (а у одного из нас даже были дреды!), с серьгой в ухе (тем более в лице) ты вполне серьёзно рисковал если не жизнью, то здоровьем, поэтому каждая

вечерняя прогулка была для нас чем-то вроде вылазки партизан в стан врага.

В общем, все люди, выделявшиеся внешним видом, были обречены рано или поздно познакомиться друг с другом.

Поэтому я не был удивлён, когда в августе 2008-го в самой главной социальной сети мне написал Феликс Бондарев с предложением выпить. Посмотрев его фотографии, я вспомнил, что уже видел его на прослушивании музыкальных групп для участия в Дне молодёжи (за год это была единственная возможность хоть где-то сыграть в Кингисеппе). Я там прослушивался с группой Red gum, играли мы вещи с шедевральными названиями «Крыса», «Армагеддон» и чуть ли не кавера на Amatory. А Бондарев выступал с группой Siverski 72, играли они какой-то гаражный рок. Бондарев был потрясающе нелепо высок, в зелёных джинсах, тёмных очках в помещении, он ни с кем не говорил, даже с участниками своей группы. «Сиверской» называлась психиатрическая клиника недалеко от Кингисеппа. В общем, образ у него был замечательный, и предложение выпить я принял с радостью.

Мы пили портвейн с колой в пропорции один к трём. В Кингисеппе напиток получил название «Байкал-дегерат» за сходность по вкусовым и цветовым качествам с напитком «Байкал» и способность превращать любого человека в тупое бревно в случае неправильной дозировки

продукта. Потом мы звонили по телефону девушке Бондарева и хором пели в трубку: «Вчера ты дала мне и думаешь, я в долгу». Не помню точно, чем закончился вечер, но расстались мы довольные собой и друг другом.

С того августа мы поддерживали дружеские отношения. Я ходил на концерты уже созданного проекта Red Samara Automobile Club, Бондарев в ответ приходил на Never Trust Hippie, где я кричал оголтелый маткор, а после развала группы — на концерты Он Юн.

Музыкально мы не пересекались, кроме каких-то курьёзных случаев, как, например, моё участие в записи «Волк-альбома» RSAC с исполнением подделки под белогвардейский роман. А так в общем было как-то незачем, и мы даже не рассматривали возможность совместного сотрудничества.

А потом в 2014-м неожиданно для меня закончились мои отношения с К., длившиеся четыре с половиной года. И я плотно занялся саморазрушением. В нашей семье так принято справляться со стрессом: мой дедушка по папиной линии погиб, когда пьяный упал со стрелы башенного кра-на, куда залез, чтобы подтягиваться.

Собственно, первым текстом *Щенков* стал просто задокументированный день из жизни:

*Я съел полтора колеса,
боялся, сердце взорвётся,*

*но я сделал свой выбор сам,
я орал во дворах-колодцах
о том, что мне нужны санитары
или хотя бы пол-литра водки,
а потом в переполненном душном баре
девочка в красных колготках
сказала: «Мы вроде знакомы»,
я трахнул её в туалете,
потом решил двигаться к дому,
но выйдя из бара я встретил
пацанов в синих футболках,
назвал их всех мудаками,
они меня били недолго,
зато били ногами,
доктор в приёмном покое
зашивал мне губу и щеку,
нас было тогда хотя бы двое,
я не чувствовал себя одиноким.
Веселье! Музыка! Танцы!
Карнавал! Праздник! Салют!
Это все просто сублимация.
Я всё ещё тебя люблю.*

Правда тут всё, кроме пацанов в синих футболках. Пацан был один, цвет футболки не помню. В тот день мы с Бонда-

ревым зашли в известный бар на Литейном, где я встретил К. Собственно, я знал, что должен там её встретить: её молодой человек работал барменом в этом заведении, и, протягивая ему кредитную карту, расплачиваясь за коктейль, я сказал что-то вроде:

— А пинкод — год рождения твоей девушки, — или очень похожую на эту глупость.

Собственно, мы встретились, но на колёса и алкоголь эта встреча легла так, что доставила мне внутренний дискомфорт, и я вместо какого-то адекватного диалога просто нахамил, причём, кажется, очень даже грубо. После чего напился еще больше и доебался до двух пацанов, стоящих в очереди в туалет:

— Вы чё вдвоем-то? Хуями мериться будете? Показывать свои обрезанные три сантиметра друг другу?

— Ты чего это? — непонимающе спросил один.

— А девка твоя не разговаривает? — я решил не останавливаться, тем более у меня было готово ещё несколько хороших шуток.

— Выйдем? — спросил тот, которого я назвал «девкой».

Я пошёл к выходу. На улице, когда я развернулся к оппоненту, готовый пошутить ещё, он схватил меня за куртку и ударил головой о стену. Все очень резко расплылось перед глазами, и я пропустил ещё два удара в лицо. Пару ударов я нанёс наугад и даже очень хорошо попал в челюсть

соперника, пока кто-то не схватил меня сзади. Я подумал, что это какой-то друг моего врага, и приготовился отхватить как следует, но ничего не происходило. Когда я смог сфокусироваться, увидел, что «девка», оказавшаяся вполне себе боеспособным мужиком, лежит на земле в захвате моего друга Андрея.

Вышел ещё кто-то из моих друзей. Они хотели сатисфакции за нанесённую мне обиду, я же был вполне доволен высвобождённой энергией и никакой сатисфакции не хотел.

Как выяснилось после недолгих разговоров, парень обиделся не на то, что я доебался до него на ровном месте, и даже не за «девку», а за трёхсантиметровый обрезанный член. После этих объяснений он снял штаны и продемонстрировал вполне обычный член средних размеров. После такого хитрого хода продолжение драки было невозможно. Мы все посмеялись и повезли меня в приёмный покой, а уже через несколько часов я скинул Бондареву текст «Сублимации». Никто кроме него, как мне показалось, не смог бы адекватно отразить в музыке все эти эмоции.

Собственно, написание текстов для первого альбома, вышедшего в апреле 2015-го, и не позволило мне окончательно сойти с ума и совершить каких-то совсем уж неправильных поступков.

Неожиданно то, что мы сделали, понравилось какому-то количеству людей. Неожиданно мы отыграли первый кон-

церт и неожиданно получили вполне нормальные деньги. Еще более неожиданно мы стали играть ежемесячно и каждый месяц стабильно собирать больше 200 человек, а для проекта, подобного *Щенкам*, — это уже несомненный успех.

За два года существования и полтора года активных концертов мы уже изучили Петербург и Москву, но каких-то полноценных выездов не было: мы летали один раз в Екатеринбург, ездили в Минск, но это было как-то несерьёзно.

Хотелось всероссийский тур. Ну, мне хотелось. Бондарев имел опыт всероссийского тура, который он в одиночку проделал под вывеской RSAC, он заработал денег меньше, чем планировал, и его тяготила езда в полном одиночестве. Ещё он имел опыт всероссийского тура в составе макулатуры: денег заработал ещё меньше, а ездить вчетвером оказалось совсем уж невозможно. Я проехал 13 городов с Он Юн и вы соглашаетесь. О деньгах вообще лучше не говорить, но мне очень понравилось всё остальное: новые города, новые люди, прогулки, поезда, самолёты, местная кухня. Так что в тур хотелось всё-таки мне.

Новый 2017 год справляли у нас. Бондарев с Кристиной, Алёхин, Оксана, Даша, Саддам, ну и мы с Женьей.

Я как обычно исполнял функции тамады и в какой-то момент приказал всем давать новогодние обещания. Сам я торжественно пообещал, что если 2017 год не принесёт какого-то ощутимого прорыва в музыкальной деятельности